

Поездка въ чужіе края К. С. Аксакова *).

(Письма къ роднымъ).

XIV.

Письмо изъ Кенигсберга. 23 іюня 1838 г.

Итакъ я—уже въ Кенигсбергѣ, милые, дражайшіе родители мои! Итакъ я въ самомъ дѣлѣ заграницей, въ Пруссіи.

Часто вспоминаю о васъ, милые, дражайшіе родители, о Москвѣ, о Россіи, которую, дастъ Богъ, скоро увижу.

Я сижу въ чистой, опрятной комнатѣ, у раствореннаго окошка, изъ котораго, впрочемъ, ничего не видать, и пишу на бумагѣ, только что купленной; за 6 листовъ заплатилъ я 2 ренегроша, то-есть 30 коп. на наши деньги.

Прежде, нежели начну вамъ говорить про Кенигсбергъ, хочу переписать здѣсь письмо, написанное, но не посланное мною изъ Тильзита,—переписать, потому что оно написано и крупно, и на другой бумагѣ³⁸⁾.

22 іюня. Тильзитъ.

Вотъ я—въ Пруссіи, въ Тильзитѣ, милые, дражайшіе родители мои! Завтра рано былъ-бы въ Кенигсбергѣ, если бы не принужденъ былъ остаться цѣлыя сутки, а отъ чего—все

*) „Б. В.“ 1915, сентябрь.

³⁸⁾ К. С. Аксаковъ, славившійся своею непрактичностью, старается быть возможно болѣе практичнымъ и безъ надобности не увеличивать стоимости пересылки писемъ крупнымъ почеркомъ и тяжелой бумагой. Желаніе порадовать родителей своею практичностью сказывается постоянно и дальше.

разскажу вамъ подробно. Теперь у меня довольно свободнаго времени.

Въ Ригѣ провелъ я время очень скучно: тѣсный городъ, на улицахъ нельзя почти разъѣхаться двумъ экипажамъ, а въ переулкахъ и одинъ едва-ли проѣдетъ; дома высокіе; на небо смотришь, какъ въ щель,—все это такъ тяжело, неприятно.

Гостиница „Лондонъ“, въ которой я остановился, довольно опрятна; всѣ прислужники вѣжливы, услужливы. Я спросилъ, нельзя-ли здѣсь найти русскихъ щей, и мнѣ сказали, что можно въ русскомъ трактирѣ. Желая въ послѣдній разъ поѣсть нашей вкусной похлебки, я отправился немедленно, но щей не было: всѣ вышли; тогда я спросилъ себѣ кислыхъ щей. Такъ какъ скучно было ворочаться, то тамъ я и пообѣдалъ двумя блюдами. Этотъ трактиръ уже не похожъ на наши Московскіе; тутъ видна нѣкоторая степень образованія: трактирщикъ сравниваетъ кисляя ши съ Везувіемъ, чему я не могъ не засмѣяться. Купцы держатъ себя развязнѣе, и въ рѣчи ихъ часто слышатся иностранныя слова.

Кончивъ свой обѣдъ, я взялъ себѣ мѣсто въ дилижансѣ, и почалъ такимъ образомъ свои червонцы.

Въ 5 часовъ отправились мы въ Митаву.

Шоссе, прекрасный дилижансѣ, пасмурная погода—все это павѣяло на меня одно изъ знакомыхъ мнѣ состояній, въ которомъ слышишь и видишь прошедшее со всѣмъ его таинственнымъ значеніемъ. Такъ, къ Россіи прикованы эти воспоминанія; они—тамъ, около васъ, милые, дражайшіе родители мои; они также—тамъ, около Петербурга, если даже не считать самый Петербургъ въ числѣ этихъ воспоминаній. Если бы исполнились надежды мои!.. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ, а теперь продолжаю мой разсказъ.

Дилижансѣ остановился на дорогѣ перемѣнить лошадей; всѣ вышли въ гостиницу; я—тоже. Давно хотѣлось мнѣ выпить воды съ бѣлымъ виномъ, и потому я спросилъ себѣ рюмку бѣлаго вина. Но едва я взялъ его въ ротъ, какъ сейчасъ же выплюнулъ, потому что мнѣ налили,—думая, что я буду и тѣмъ доволенъ,—за неимѣніемъ бѣлаго вина, не знаю чего.

Мы приѣхали въ Митаву уже поздно. Я сталъ разспрашивать, какъ мнѣ лучше проѣхать до границы, и мнѣ ска-

зали, что ѣхать на Таврогенъ гораздо лучше и прямѣе (что и правда); но для того, чтобъ ѣхать на перекладныхъ, должно было брать подорожную. Итакъ я немедленно отправился на почтовый дворъ; но почтмейстеръ сказалъ, что уже поздно, что замокъ митавскій запертъ и что должно подождать до завтра. Онъ предложилъ мнѣ остановиться въ почтовой гостиницѣ, обѣщая все приготовить къ 8 часамъ утра (всѣ подобныя объясненія мои происходятъ на нѣмецкомъ языкѣ: здѣсь всѣ чиновники—нѣмцы). Я сходилъ за пожитками своими; мнѣ отвели комнату, въ которой, надо признаться, было нехорошо, и причина была довольно очевидна. Нѣмка, которая показалась мнѣ съ привлекательнымъ лицомъ и пріятнымъ голосомъ, тутъ же достала чистое бѣлье для моей кровати и предложила взять другую комнату; но я сказалъ, что все равно. Ко мнѣ пришелъ почтмейстеръ, и мы пустились съ нимъ разговаривать. Онъ очень удивился, узнавъ, что я—Русскій: онъ находить, что я очень хорошо говорю по-нѣмецки, что со мной въ самомъ дѣлѣ иногда бываетъ, и меня ужъ не разъ принимали за нѣмца. Черезъ нѣсколько времени нѣмка принесла намъ въ комнату свѣжихъ пахучихъ цвѣтовъ и поставила мнѣ на окошко,—вѣроятно, чтобы заглушить неприятный запахъ.

Наконецъ, всѣ ушли. Я остался одинъ въ комнатѣ, и мнѣ такъ стало хорошо! Все вокругъ приводило меня въ пріятное состояніе духа, въ какой-то старинный, милый сонъ. Съ одной стороны, сквозь растворенное окошко виднѣлись мнѣ улицы и дома Митавы, хорошенькаго городка, мостовыя, только что вымытыя дождемъ, и на всемъ лежали темнота и тишина ночи, иногда только раздавалась легкая походка по камнямъ; съ другой стороны, въ дальнихъ комнатахъ почтмейстера слышалась веселая бесѣда, женскій смѣхъ (онъ, кажется, женатый человѣкъ), слышались голоса людей,—кажется, довольныхъ и счастливыхъ... Все это, какъ я сказалъ, мои милые, дражайшіе родители, привело меня въ самое пріятное расположеніе, дало мнѣ на то время и миръ, и тишину.

Я заснулъ, въ половину раздѣвшись.

На другой день, проснувшись въ 5 часовъ, я долженъ былъ дожидаться подорожной до часа. Какова досада! Со скуки сталъ я смотрѣть на улицу, и высмотрѣлъ всѣхъ жи-

телей противоположнаго дома (впрочемъ, сначала я писалъ); хотя они говорятъ по-нѣмецки, но, кажется, жида. Всѣ—черноволосые и всѣ хороши собой. Мать семейства—красавица. Въ первомъ часу мнѣ захотѣлось ѣсть: я спросилъ себѣ два кушанья на одного человѣка, думая, что заплачу, какъ обыкновенно, не больше 2 рублей или 1 р. 60 коп. Каково-же! Съ меня взяли 4 руб. и еще 2 руб. за бутылку бѣлаго вина, которое я купилъ, чтобы прибавлять въ воду на дорогѣ.

Итакъ въ 1-мъ часу сѣлъ я на перекладную телѣгу и поехалъ.

Это путешествіе чрезвычайно мнѣ понравилось; въ первый разъ я испыталъ его, и мнѣ оно придало столько бодрости; я выпрямился и почувствовалъ силу во всемъ тѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, бываетъ иногда, что чувствуешь себя здоровымъ и сильнымъ во всѣхъ мышцахъ, во всѣхъ жилахъ своего тѣла; кажется, ни одна капля крови не пропадаетъ тогда въ человѣкѣ, онъ сознаетъ себя всего въ этомъ общемъ ощущеніи своего здоровья,—ощущеніи, которое и есть собственно бодрость. Со мной бывало это нѣсколько разъ, и тогда я невольно выпрямлялся, грудь подымалась, и шаги становились такъ смѣлы, такъ тверды; разумѣется, что и духъ въ это время былъ бодрымъ, и радъ былъ-бы всякой боевой встрѣчѣ.

И вотъ эта одинокая ѣзда на телѣгѣ произвела во мнѣ почти то же. Я выскакивалъ на минуту, платилъ прогоны; между тѣмъ другая телѣга была готова; чемоданъ переброшенъ,—и я снова прыгалъ въ телѣгу и скакалъ далѣе.

Вечеромъ мнѣ стало еще лучше, когда я надѣлъ свой плащъ въ прорѣзы, вынулъ поясъ, подвязался имъ потуже, надѣлъ свой картузь покрѣпче, плотно сѣлъ въ телѣгу и закричалъ: „пошелъ!“ Взоспелъ мѣсяць; мы ѣхали лѣсомъ; было такъ тихо, хорошо, и передо мной опять носились далекіе, далекіе образы.

Вообразите, милые родители мои, что я въ этомъ путешествіи ничего не потерялъ, разъ только забылъ было подорожную, да разъ забыли переложить чемоданъ мой въ телѣгу, но я заботливо сейчасъ же спросилъ: тутъ-ли? и велѣлъ уложить при себѣ.

Къ утру немного было холодно.

Поутру рано пріѣхалъ я въ Таврогенъ; тамъ только узналъ я, что дилижансъ отходитъ во вторникъ и въ субботу прямо въ Берлинъ, а я пріѣхалъ въ среду часовъ въ 5 поутру,— не досадно-ли? что дѣлать? Рѣшился доѣхать до Тильзита на почтовыхъ,—оттуда взять фурмана до Кенигсберга и тамъ сѣсть въ дилижансъ, если они тамъ ходятъ чаще.

На этой послѣдней станціи я сдѣлался очень щедръ и далъ много на водку русскимъ служителямъ, визировалъ свой паспортъ, сѣлъ и поѣхалъ. Тутъ-то въ послѣдній разъ я увидѣлъ нашу заставу, и мнѣ стало грустно (я уже писалъ вамъ объ этомъ съ первой прусской станціи); тутъ-то въ послѣдній разъ взялъ у меня паспортъ русскій солдатъ; въ послѣдній разъ видѣлъ я гербъ моего отечества и переѣхалъ черезъ границу въ Königreich Preussen.

Такъ вотъ конецъ Россіи! Прости!

Въ таможенѣ прусской взглянули на мой чемоданъ—и пустили безъ задержанія.

На почтовомъ дворѣ написалъ я къ вамъ письмо, милые мои родители, заплатилъ за него и забылъ запечатать; я думаю, отправятъ.

Мнѣ дали телѣгу совершенно другого устройства; на лошадахъ—совершенно другая упряжь.

Мы поѣхали, и я радовался, какъ ребенокъ, когда почтальонъ, въ своемъ синемъ опрятномъ мундирѣ, затрубилъ въ свой рожокъ обыкновенный почтовый мотивъ; но скоро плохая ѣзда напомнила мнѣ, что нѣмецъ, а не русскій сидитъ на козлахъ.

Наконецъ, доѣхали мы до Тильзита. Я выскочилъ изъ своей телѣги и пошелъ въ гостиницу, куда перенесли мои вещи. Я хотѣлъ ѣхать часа черезъ два; но мнѣ сказали, что это невозможно: есть постановленіе, по которому тотъ, кто пріѣхалъ съ экстра-почтой, не можетъ нанять фурмана прежде истеченія 24 час. Что было дѣлать? Ѣхать съ почтой—непомѣрно дорого (три талера почти за три мили). Итакъ я рѣшился остаться до утра. Почтальонъ взялъ съ меня на водку 25 зильберъ-грошей (21 верста), т.-е. почти талеръ (такихъ грошей въ талерѣ 30). Каковы нѣмцы! меня увѣрили было въ Таврогенѣ, что я напрасно размѣнялъ лобанчики на червонцы, но это вздоръ. Чтобы заплатить почтальову, долженъ былъ я размѣнять свой червонецъ, и

вотъ у меня очутилась куча этой нечистой, грязной монеты ³⁹⁾. Мнѣ совѣтуютъ размѣнять нѣсколько червонцевъ на галеры, которые здѣсь ходятъ и бумажками; это очень удобно.

Я спросилъ себѣ позавтракать котлетъ; мнѣ принесли цѣлыхъ четыре; думая, что за все придется платить, я съѣлъ ихъ всѣ. Еще не рассчитывался; но думаю, что возьмутъ порядкомъ. Эти нѣмцы кладутъ столько перцу во всякое кушанье, что у меня голова кружится.

Здѣсь есть старикъ трактирщикъ, который сейчасъ пустился со мной разговаривать по-французски. Я спросилъ его, ужъ не французъ-ли онъ. — „Извините меня, — сказалъ онъ, — я нѣмецъ. Вы ѣдете въ далекій путь? Когда думаете воротиться?“ — Не знаю, — отвѣтилъ я. — „Останьтесь гдѣ-нибудь пожить; останьтесь въ Парижѣ“, сказалъ онъ съ особеннымъ чувствомъ, и я догадался, что Парижъ и французскій языкъ — маленькій конекъ добраго старика. Со всѣми другими говорю я по-нѣмецки. Вотъ практика!

Въ этой комнатѣ жило двое московскихъ, имена которыхъ я прочелъ на окошкѣ: Хитринъ и Сокольниковъ. Я написалъ и свое тутъ-же. Прощайте пока, милые, дражайшіе родители мои. Будьте здоровы и спокойны. Я здоровъ.

Вообразите мою досаду, милые, дражайшіе родители: до сихъ поръ не находятъ фурмана! Мнѣ сказали еще въ Таврогенѣ, что это будетъ стоить 10 тал. (до Кенигсберга 108 верстъ); но говорятъ, что могу найти и дешевле; ѣхать съ почтой — и думать нечего. Нашли одного фурмана, но у него экипажъ полонъ жидовъ, и нѣмка здѣшней гостиницы отговаривала меня, потому что, какъ она увѣряетъ, несносно быть въ обществѣ съ жидами, да и я самъ бы не желалъ. Итакъ рѣшаюсь еще поискать фурмана за 10 тал. Если-же нѣтъ, то ѣду съ жидами, дѣлать нечего.

5 часовъ. Въ два часа легъ я на постель съ своимъ рейхгардомъ въ рукахъ, и такъ какъ двѣсти двадцать верстъ на телѣгѣ и плохой сонъ все-таки должны были утомить меня, то я и заснулъ крѣпко и проспалъ до половины пятаго. Хочу идти осмотрѣть сколько-нибудь городъ.

Сейчасъ воротился. Тильзитъ — довольно неопрятный го-

³⁹⁾ Зильберъ-грошей.

родъ; многіе дома—престранной архитектуры, большая часть изъ нихъ имѣеть пренизенькія стѣны и высокія, остроко-нечныя кровли. Сейчасъ, проходя улицу, я спросилъ одного мальчишку: какъ называется она? „Hohe Strasse“, отвѣчалъ онъ. Я пошелъ далѣе, вдругъ этотъ мальчишка догоняетъ меня и просить денегъ, потому что отвѣтилъ на мой во-просъ. Меня это разсердило; я сказалъ, что ему стыдно брать деньги за каждое слово, и что онъ ничего не получитъ; не смотря на то, онъ долго шелъ за мною, но, наконецъ, видя мою непреклонность, отсталъ. Нынче далъ два зильберъ-гроша нищимъ и тоже съ неприятнымъ чувствомъ. Эти нищіе подходятъ и начинаютъ говорить сквозь зубы и про-тяжно свою просьбу: „дайте мнѣ“ и пр. Тутъ я опять сер-жусь и велю говорить яснѣе; но они, возвыся голосъ, про-должаютъ тѣмъ же тономъ.

Въ дорогѣ отъ Петербурга мнѣ всегда было досадно, что чухонецъ просилъ на водку. Вы не можете себѣ предста-вить, милые родители мои, какъ это даже отвратительно, когда эта глупая рожа скорчить еще жалко-нѣжную гри-масу и скажетъ: „шнабсу“. Мнѣ всегда гадко становилось. Въ русскомъ ямщикѣ, я вижу жизнь, движеніе, онъ хочетъ погулять, но когда это холодное, безстрастное, безсильное твореніе туда-же хочетъ выпить, то это у него не избытокъ жизни, которая принимаетъ такое направленіе въ простомъ народѣ,—нѣтъ, а насильственное раздраженіе.

Пруссаки, кажется, вообще учтивы. Многіе незнакомые кла-нялись мнѣ, попадаясь на дорогѣ; многіе останавливались поглядѣть на необыкновенный мой картузь и на необыкно-венную мою въ немъ фигуру. Кажется, до сихъ поръ раз-говоръ мой на нѣмецкомъ языкѣ идетъ порядочно.

Позавтракавъ поутру, я не обѣдалъ вовсе; но боюсь, чтобы, несмотря на это, съ меня не взяли и за обѣдъ. Чего добраго; можетъ быть, у нихъ такое положеніе; можетъ, оно тамъ такъ и нужно, да мнѣ отъ того не легче; я же здѣсь и стаканъ разбилъ. Вода здѣсь совершенно желтая; я под-ливаю туда своего вина, но это французское вино со-всѣмъ не такъ бѣло, свѣтло и пріятно, какъ то, которое я знаю.

Впрочемъ, вообще мое путешествіе идетъ хорошо, милые, дражайшіе родители, и судьба, кажется, хочетъ, чтобы я

испыталь всѣ роды путешествія: дилижансъ, перекидная телѣга, прусская почта, фурманъ и опять дилижансъ.

Не знаю, что будетъ впередъ, но мнѣ уже совѣмъ не кажется такъ страннымъ ѣздить по чужимъ землямъ. Какъ пріятно будетъ въ Саксоніи, Швейцаріи! Простой народъ говорить здѣсь не чисто по-нѣмецки: Obend вмѣсто Abend, сах вмѣсто sex и т. д.

Наконецъ, нашли фурмана, который повезетъ меня одного въ Кенигсбергъ; ѣду завтра въ 4 часа утра; видѣлъ фурмана и условился съ нимъ за 10 талеровъ (половина того, что стоило бы почтой).

Прощайте, дражайшіе родители мои!

У меня былъ трактирщикъ (не старикъ) и совѣтоваль размѣнять 30 червонцевъ на талеры бумажками. Я такъ и сдѣлалъ, и, въ самомъ дѣлѣ, это выгоднѣе, потому что цѣна червонцевъ непостоянна, да съ нихъ пропадаетъ сколько-то на почтѣ. За 30 червонцевъ получилъ я 97 талеровъ. Червонецъ въ Петербургѣ ходитъ 11 р. 10 к., — въ Ригѣ и до самой границы—10 р. 40 коп.,—а здѣсь—всего выгоднѣе, то есть 3 т. 7 с. г.=11 р. 64 коп. Итакъ за 30 червонцевъ получилъ я 347 р. 20 коп., слѣдовало бы 349, но 1 р. 80 коп. трактирщикъ взялъ за промѣнъ. Вотъ вамъ, милые, дражайшіе родители, обращикъ моихъ счетовъ,—каково?

Но прощайте, милые родители мои! Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ и цѣлую ваши ручки. Братъевъ и сестеръ обнимаю тоже. Прощайте.

Вашъ *Костенька*.

24 іюня. Кенигсбергъ.

Въ 4 часа вечера пріѣхаль я въ Кенигсбергъ, мои милые, дражайшіе родители. Это былъ первый нѣмецкій городъ, который подѣйствовалъ на меня не одною своею наружностью. Сейчасъ явился ко мнѣ лон-лакей и предложилъ свои услуги; я согласился, съѣлъ порцію супу и котлетъ, переодѣлся и пошелъ съ нимъ сначала на почту, гдѣ взялъ мѣсто въ дилижансъ и заплатилъ слишкомъ 23 талера. Потомъ пошли мы въ старый замокъ, который не подѣйствовалъ на меня особенно. Тутъ, въ одномъ переулкѣ, остановилъ меня мой провожатый и показалъ на мраморную доску, на которой были вырѣзаны золотыми буквами слова: „Эмма-

нуиль Кантъ жилъ здѣсь и училъ въ 1738 — 1804 г.“ Я остановился и посмотрѣлъ нѣсколько времени на этотъ маленькій домикъ, гдѣ жилъ великій ученый, тихо изслѣдуя законы разума въ своемъ маленькомъ кабинетѣ и наслаждаясь этою жизнью. Карамзинъ еще видѣлъ его.—Потомъ пошли мы дальше въ старинную церковь—Domkirche, построенную еще въ 1338 году. Когда растворилъ я дверь, то, никогда не видавъ прежде настоящей католической церкви, я былъ пораженъ ея мрачнымъ величіемъ. А, вотъ онъ, этотъ католицизмъ! вотъ его образы, мрачные и грозные. Проводникъ велъ меня далѣе поглядѣть на древніе памятники; тутъ въ первый разъ, наконецъ, увидаль я настоящіе остатки рыцарства, которое ближе, ощутительнѣе представилось теперь душѣ моей: надо мною была каменная доска съ высѣченными изображеніями рыцарей; передо мною, на стѣнахъ, были ихъ портреты во весь ростъ, въ латахъ съ ногъ до головы, безъ шлема и съ широкимъ длиннымъ мечемъ. Надо мною по стѣнамъ висѣли шлемы, воткнуты были копья, знамена; тамъ перчатки, сложенные крестомъ, тамъ шпоры, тамъ неполныя латы. Я смотрѣлъ на все это, на остатки времени, которое всегда такъ сильно занимало меня. Вотъ они, вотъ слѣды того рыцарства, религіознаго, воинственнаго и у гроба не оставляющаго своего меча! Здѣсь же гробъ гофмейстера Тевтонскаго Ордена, положеннаго съ своей женою; на верху гробницы онъ высѣченъ рядомъ съ нею. Рыцарь лежитъ съ закрытыми глазами въ своихъ латахъ, въ своемъ полномъ вооруженіи, держа у груди своей огромный мечъ крестомъ, съ непокрытою головою; шлемъ лежитъ у ногъ его; жена его въ одеждѣ того времени — рядомъ съ нимъ. Недалеко оттуда положена въ стѣнѣ деревянная статуя Льюдерса (Lüders), основателя церкви; статуя лежитъ на такой вышинѣ, до которой доведено было строеніе при его жизни. Подъ нею лежатъ его кости. Смотритель вынулъ черепъ совсѣмъ коричневый и, давая его трогать, сказалъ мнѣ: „это княжескій черепъ“! Долго еще осматриваль я все кругомъ, жалѣя, что не знаю ничего подробнѣе объ этихъ памятникахъ, и, наконецъ, вышелъ изъ церкви, полный образовъ древняго рыцарства, твердой опоры католицизма. Гробъ Канта нельзя было видѣть, но мы видѣли Университетскую залу, гдѣ только два бюста: короля и Канта. Странно:

въ выраженіи его губъ я нашель сходство съ Пушкинымъ. Увы! Артусъ-гофъ, который мнѣ такъ хотѣлось видѣть, который я знаю изъ повѣсти Гофмана, Артусъ-гофъ, имѣющей для меня свои особья воспоминанія, уничтожень... Какъ это жаль! Потомъ взглянулъ я на биржу и, купивъ бумаги, воротился домой.

Вотъ, милые, дражайшіе родители, вамъ первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня первый памятникъ древности. О, много еще впереди! Ну, да объ этомъ послѣ; теперь расскажу вамъ просто о своемъ путешествіи.

Я сѣлъ въ телѣгу (очень покойную, со скамейкой на ремняхъ), въ 4 часа; наша ѣзда была очень пріятная; солнце скоро обогрѣло землю, и я разстегнулъ свой плащъ. Шоссе прекрасное, ѣхали мы скоро, телѣга спокойная, и вокругъ—луга, лѣса и пригорки. Должно сказать правду, что во всѣхъ деревняхъ, гдѣ мы ни проѣзжали, видны довольство и опрятность; избы чисто покрыты соломой. Народъ недурень собою, только на лицѣ написано, что — нѣмецъ. Мы останавливались три раза на дорогѣ. Первый разъ поселянка предложила мнѣ чистую комнату, — вѣроятно, для проѣзжихъ; я спросилъ себѣ чернилъ и сталъ писать что-то. На вопросъ мой: „что должно дать за это?“ нѣмка отвѣчала: „ничего“. Мнѣ это понравилось, и я далъ ей на наши деньги 12 коп., за что нѣмка была очень благодарна. — Что меня сердить, такъ это произношеніе простого народа, который къ тому же говорить очень скоро. — Я сказалъ объ этомъ проводнику: онъ говоритъ, что сами нѣмцы иногда съ непривычки не очень понимаютъ ихъ.

Заключеніе изъ путешествія, милые родители мои, вывелъ я то, что одно изъ самыхъ малыхъ неудобствъ для меня — не поѣсть ничего цѣлый день, не поспать ночи, потрястись цѣлыя сутки на телѣгѣ. Отъ 11-го часа середи до 2-хъ часовъ четверга у меня ничего во рту не было, и это очень мало меня беспокоило: это только маленькое неудобство, и больше ничего. Не думайте, милые, дражайшіе родители мои, чтобъ я не ѣлъ, — нѣтъ, вчера я сѣлъ порцію супу и 2 котлеты; нынче пилъ кофе и буду скоро обѣдать. Я иногда слышу нѣмецкія пѣсни: одну изъ нихъ пѣла Каролина.

Вотъ и листокъ къ концу, милые родители мои. Хочу пи-

сать вамъ все, потому, можетъ быть, письма мои несвязны,— и все-таки не успѣваю.

Итакъ до Берлина. Простите, дражайшіе родители мои; цѣлую ваши ручки. Хотѣлось бы поскорѣе на мѣсто. Простите еще разъ. Досадно мнѣ, что такъ неразборчиво пишу. Впрочемъ, чтедовъ довольно.

Если бы недорого было взять фурмана, то мнѣ было-бы пріятнѣе ѣхать съ нимъ. Одинъ, сидишь спокойно. До Кенигсберга доѣхали прекрасно и скоро. Очень свободно сдѣлали мы 109 верстъ въ 12 часовъ, несмотря на 1½ часа остановки, по крайней мѣрѣ. Я ѣхалъ и часто предавался моимъ воспоминаніямъ. У меня сказались дорогою стихи, которые послѣ вамъ пришлю, дражайшіе родители.

Нынче ночью вмѣсто одѣяла положили мнѣ перину; такъ я уже и сплю по-нѣмецки.

Но прощайте, мои милые родители. Поклонитесь всѣмъ, кто меня помнитъ. Всѣмъ буду писать изъ Берлина. Прощайте, милые родители мои.

Вашъ *Костенька*.

Приписка съ боку.

Нынче я долго говорилъ съ проводникомъ. Нѣмцы въ изумленіи отъ скорости, съ какою ѣздитъ Государь ⁴⁰⁾. Понять не могутъ ⁴¹⁾.

XV.

Первое письмо изъ Берлина. 10 Юля 1838 г.
28 Юня

Въ 8-мъ часу утра пріѣхалъ я въ Берлинь, и послалъ сейчасъ на почту (постъ-рестантъ), но, къ удивленію моему, вмѣсто кучи писемъ, мнѣ нѣтъ ни одного письма Моея это

⁴⁰⁾ Въ это время въ Германію пріѣхалъ русскій императоръ Николай Павловичъ.

⁴¹⁾ Какъ это, такъ и часть помѣщаемыхъ далѣе писемъ къ роднымъ К. С. Аксакова были съ некоторыми пропусками помѣщены въ журналѣ „Космополисъ“ въ 1898 г., подъ редакціей и съ примѣчаніями Г. М. Князева. Нынѣ мы имѣемъ возможность напечатать эти письма все подъ рядъ, и при томъ цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ. Въ виду значительнаго интереса, представляемаго какъ этими письмами, такъ и личностью К. С. Аксакова вообще, и въ виду нѣсколько измѣнившихся съ тѣхъ поръ условій времени письма К. С. Аксакова вполне заслуживаютъ напечатанія нынѣ цѣликомъ, въ ихъ подлинномъ, неурѣзанномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что „Космополисъ“ составляетъ библиографическую рѣдкость.

очень огорчило; но, разумѣтся, виновата почта и никто больше. Итакъ буду надѣяться получить каждую минуту.

Вотъ уже недѣля не слышу я Русскаго языка; и только одни нѣмецкія лица вертятся около меня. Я пообсмотрѣлся, поразглядѣлъ, наконецъ, окружающіе меня предметы и напишу вамъ подробно, милые родители мои; но теперь я отдохну немного послѣ безпокойнаго и неудобнаго прусскаго дилижанса. Впрочемъ, я не много утомился, и теперь только вижу всю крѣпость своего сложенія. Главное то, что, наконецъ, я почувствовалъ необходимость вымыться, и тутъ же сейчасъ исполню это. Послѣ мытья, вѣроятно, захочется отдохнуть, и потомъ, милые родители мои, начну свое длинное письмо; мнѣ хочется передать вамъ впечатлѣнія дороги прежде, нежели разсмотрю Берлинъ, въ которомъ не думаю долго пробыть. Отсюда же напишу письма ко всѣмъ.

Я чувствую уже, какъ важно, даже безъ всякой цѣли, просто проѣхаться по чужимъ землямъ,—разумѣтся, обращающаю вниманіе на то, что тебя окружаетъ. Но хотѣлось бы мнѣ воротиться въ нынѣшнемъ году, милые, дражайшіе родители мои; да я думаю это такъ и будетъ. Но мнѣ бы хотѣлось пріѣхать съ чѣмъ-нибудь: или если плодъ моихъ занятій греческимъ и латинскимъ языкомъ будетъ значителенъ, или если я напишу хотя первую часть грамматики и усвою себѣ другія стороны филологіи. Тогда, воротясь, беру себѣ Гофмана для греческаго (чтобъ продолжать) и Крюкова или Венелина для латинскаго языка, и продолжаю заниматься филологіей, которая, кажется, точно—мой предметъ. Можетъ быть даже, современемъ опять пушусь въ чужіе края,—съ братьями, можетъ, если Богъ дастъ всё будемъ живы и здоровы.

Со стороны издержекъ путешествіе мое, кажется, не такъ дорого, но можно было бы еще дешевле. Вы отпустили со мною, милые, дражайшіе родители, не 500, а 600 лобанчиками. Тетенька вымѣняла 500 на червонцы, а остальные сто оставила, кажется, на Гришины и Вавины расходы, а можетъ быть—я и съ собою взялъ и потерялъ, только теперь не знаю гдѣ ⁴²⁾. И такъ я началъ издерживаться изъ

⁴²⁾ Признаніе очень характерное для человѣка, старавшагося писать свои письма ради экономіи возможно болѣе мелкимъ почеркомъ и на возможно болѣе легкой бумагѣ. Здѣсь „практичность“ его сказывается въ истинномъ свѣтѣ.

500 мелочью и червонцами; въ Ригѣ почаль я ихъ. Теперь, по приѣздѣ въ Берлинъ, за всѣми издержками, остается у меня слишкомъ 300, такъ что я думаю не брать у здѣшняго банкира, потому что съ этими деньгами надѣюсь добраться до Базеля, гдѣ мой второй банкиръ. Но прощайте пока, милые мои, дражайшіе родители. Часто думаю я о возвратѣ.

Сейчасъ—изъ ванны, изъ прекрасной ванны, милые, дражайшіе родители; вымылся одинъ, какъ умѣлъ; но, повѣрьте, со всѣми предосторожностями; отдохну немножко.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ ванны я такъ усталъ, что заснулъ даже; но теперь пообѣдалъ, освѣжился и начинаю свой разсказъ, мои милые, дражайшіе родители.

Я взялъ билетъ въ дилижансъ и на другой день поутру отправилъ на почту всѣ свои вещи, также и сумку, съ гѣмъ, однако, чтобы ее не укладывать. Но послѣ я увидалъ, что очень глупо сдѣлалъ: скука меня одолѣла. Я пошелъ, купилъ себѣ бумаги и началъ писать такъ, родъ записокъ. Потомъ пришло мнѣ въ голову написать одну сцену изъ Олега ⁴³⁾. Вышли презвучные стихи, которые пришлю вамъ, милые, дражайшіе родители.

Наконецъ, пришелъ назначенный часъ; я пошелъ на почту (въ Пруссіи дилижансы отъ казны). Я пришелъ еще рано, но дилижансъ уже стоялъ у крыльца. Какая разница съ нашимъ! Прусскій дилижансъ,—шестимѣстная карета съ полукаретою впереди. Когда всѣ усѣлись, сдѣлалось намъ тѣсно. Товарищи мои были всѣ нѣмцы и большею частью купцы: возлѣ меня сидѣлъ высокій и толстый, подлѣ него—съ плутовскимъ широкимъ лицомъ, передо мною—пожилой нѣмецъ честной наружности и еще двое молодыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ купецъ Розенбергъ. Мы отправились въ 7^{1/2} час. вечера.

Такимъ образомъ оставилъ я Кенисбергъ,—городъ, если

⁴³⁾ „Олегъ подѣ Константинополемъ“. Драматическая пародія въ стихахъ. Небольшой отрывокъ этого юношескаго произведенія К. С. Аксакова былъ напечатанъ въ журналѣ *Телескопъ* подѣ псевдонимомъ Эврипидина. Цѣликомъ „Олегъ подѣ Константинополемъ“ вышелъ отдѣльнымъ издаваемъ въ 1858 г. Въ новомъ изданіи сочиненій К. С. Аксакова (подѣ редакціей Е. А. Ляцкого, 1915 г.) „Олегъ подѣ Константинополемъ“ напечатанъ въ I томѣ (стр. 165—228).

отнять отъ него историческое значеніе, тѣсный, съ узкими улицами, неуютно расположенный.

Когда я проснулся на другой день, то увидаль, что товарищи мои перемѣнились ночью (за нами ѣхала четверомѣстная почтовая карета, тоже съ пассажирами). Было еще рано. Мы подѣхали къ почтовому двору, и всѣ пассажиры выскочили пить кофе, но сперва, по нѣмецкому обыкновенію, стали умываться; вездѣ уже стояли лоханки съ водою, и всѣ умылись. Что касается до чистоты, до опрятности, то нѣмцамъ должно отдать преимущество передъ нами.

Напившись кофе, мы опять отправились, и тутъ у меня завязался довольно серьезный разговоръ съ однимъ изъ моихъ спутниковъ. Еще вчера я объявилъ ему, что я—Русскій, и объявилъ съ нашимъ радушіемъ, предполагая, что пруссаку пріятно видѣть Русскаго,—но какъ я обманулся!.. На другой день изъ разговора я увидаль, что у нихъ не только равнодушіе, но положительная враждебность къ русскимъ; это сказывается почти въ каждомъ словѣ ⁴⁴⁾.

Признаться, этотъ разговоръ былъ непріятенъ и ставилъ меня въ затруднительное положеніе; но я держалъ себя какъ можно умѣреннѣе, благоразумнѣе... Передамъ вамъ только отрывки нашего разговора, а весь—уже по возвращеніи, Богъ дастъ, если не забуду:—Дѣло началось съ того, что пожилой нѣмецъ (честный съ виду) спросилъ, дворянинъ ли я и есть ли у насъ крестьяне. Съ этого, разумѣется, разговоръ пошелъ о крѣпостномъ состояніи, потомъ перешелъ вообще къ Россіи; между прочимъ, къ быстротѣ ѣзды Государя, которая удивляетъ нѣмцевъ. „Да, —сказаль я,—это понятно: во владѣніи Государя нашего лежитъ такое пространство земли, что понятно, почему онъ такъ быстро переносится изъ мѣста въ мѣсто. Въ Россіи,—прибавилъ я,—мы видимъ все въ гигантскихъ размѣрахъ: войска у насъ—1.000.000“.—Да,—возразилъ пожилой пруссакъ,—но оно не стоить и половины нашего... „Съ этимъ я не соглашусь никогда. Что касается нашихъ солдатъ, то они, вѣрно, никому не уступятъ“... — Тогда пруссакъ сталъ нападать на сол-

⁴⁴⁾ Наблюденіе въ высшей степени любопытное и характерное, сдѣланное за семьдесятъ семь лѣтъ до нашего времени!

дать нашихъ, я — защищать, дошло дѣло до 1812-го года, и пруссаки, нами спасенные, стали на насъ же нападать. Тутъ вмѣшался молодой, повидимому человекъ, черноволосый, съ выразительнымъ, пріятнымъ лицомъ, который тоже сталъ утверждать, что и другой. Наконецъ, молодой человекъ спросилъ меня: „А вы не думаете, что между Пруссіей и Россіей будетъ война?“—Не вижу причины и не думаю. „Напротивъ, между Россіей и Пруссіей будетъ война, должна быть война непремѣнно.“—Почему же такъ?—„Россія мѣшаетъ намъ много, стѣсняетъ наши границы, вообще вредитъ намъ.“—Ну, я этого совсѣмъ не думалъ, и это для насъ—совершенная новость. Я такъ полагалъ, что между Пруссіей и Россіей—дружба, напротивъ.—„Впрочемъ, пока король живъ, войны не будетъ; да,—повторилъ пожилой нѣмецъ,—пока король живъ: онъ старъ и миролюбивъ“.—„Россія *слишкомъ* велика“, началъ опять молодой человекъ, ударяя особенно на словѣ „слишкомъ“. Я думалъ, что онъ хотѣлъ сказать, что эта чрезмѣрная величина мѣшаетъ ея крѣпости, и потому сказалъ:—Самая огромная часть Россіи—Сибирь, Азія.—„Нѣтъ, все ея могущество *слишкомъ* велико (Die ganze Macht ist zu gross).—Да, очень велико, сказалъ я.—„*Слишкомъ, слишкомъ*. Россія—страшное государство (furchtbares Reich), такого еще не было“.—Да, ну что же? И повѣрьте, каждая часть въ немъ крѣпко связана съ цѣлымъ.

Я не спору, да, Россія слишкомъ огромна. Очевидно, могущество Россіи имъ глаза колетъ.

Разговоръ коснулся Поляковъ. „Вся Германія—противъ Россіи въ этомъ дѣлѣ“,—говорили пруссаки ⁴⁵⁾.—Оставьте это, господа,—сказалъ я; это семейственный споръ, и постороннія націи не могутъ судить о немъ вѣрно; оставьте это.

Разговоръ нашъ кончился. Но потомъ, на другой день, я принужденъ былъ говорить крупнѣе съ однимъ прусскимъ жидомъ, который дышалъ ненавистью къ Россіи. Это былъ старикъ и больной, и я, наконецъ, вовсе пересталъ говорить съ нимъ. Тутъ были другіе нѣмцы, которые или молчали, или не соглашались. Я узналъ, что одинъ—изъ Риги, другой—изъ Веймара, третій—Саксонецъ,—всѣ не пруссаки.

⁴⁵⁾ Интересно сопоставить съ этими словами отношеніе пруссаковъ къ полякамъ на дѣлѣ вообще и въ наши дни въ особенности.

Но подробности—до завтра, милые, дражайшіе родители мои. Получу ли завтра отъ васъ письма? Это меня начинаетъ беспокоить. Я такъ давно не получалъ отъ васъ никакого извѣстія, милые родители мои! Нѣтъ, не выживу года въ чужихъ краяхъ, въ ноябрѣ я буду съ вами, милые родители мои. Пока прощайте.

Вашъ *Костенька*.

Притиска съ боку.

Думаю, что издержу здѣсь пропасть. Я покупаю не торгуюсь, и съ меня иногда берутъ дорого.

XVI.

Второе письмо изъ Берлина.—28 Іюня 1838 г.

Сейчасъ былъ въ театрѣ. Зданіе очень мало и нехорошо; музыка произвела на меня впечатлѣніе,—вѣроятно, отъ того, что я давно не слышалъ ея. Одна пѣвица—съ отличнымъ голосомъ и талантомъ. Вообще слажено хорошо, только ходить по нотамъ.

Изъ театра пошелъ я пѣшкомъ; было еще не темно, тихо, время чудесное, народу пропасть; я не обратилъ хорошенько вниманія на дорогу и сбился съ пути. Берлинъ—городъ не маленькій. Кое-какъ, спрашивая у прохожихъ, шелъ я то въ ту, то въ другую улицу; наконецъ, встрѣтилъ двухъ дамъ; одна изъ нихъ—француженка, съ которой пустился я говорить по-французски; онѣ съ величайшею обязательностію проводили меня въ Hôtel de Saxe, гдѣ я остановился, и простились со мною. Но пора, прощайте, дражайшіе родители мои.

29 іюня.

Право, когда посмотрю на свои письма, на почеркъ, котормъ они написаны,—самому мнѣ гадко становится; но перо—точно скверное, да и, когда пишешь, мало обращаешь вниманія на почеркъ.

Многого не успѣваю я написать вамъ, милые родители мои.—Пріѣдешь въ городъ, идешь его осматривать, хлопочешь о дилижансѣ, и письмо безпрестранно прерывается. Здѣсь куплю я себѣ шляпу, которая поѣдетъ со мною всюду.—Мнѣ показывали новый фасонъ: шляпы съ пружинами.—

вынешь пружину, и она вся опадетъ и сдѣлается плоскою, какъ тарелка; для дороги это хорошо; но мнѣ придется же покупать соломенную шляпу, и потому я думаю, что эту не куплю, а развѣ послѣ, на возвратномъ уже пути.

Возвращаюсь къ моему путешествію.—Съ другой стороны, оно было очень пріятно: всѣ эти маленькіе городки совсѣмъ не похожи на наши уѣздные; это, большею частію, старинные, полуразрушенные замки, вокругъ которыхъ теперь живутъ мирные граждане; всѣ они вымощены, строеніе каменное, и всѣ они показались мнѣ пріятнѣе, нежели Кенигсбергъ. Мнѣ нельзя было осмотрѣть Мариенбурга, главной резиденціи Нѣмецкаго Ордена; я взглянулъ только на башню, которая стоитъ надъ водой; къ ней причаливала легкая лодка съ парусомъ; было утро, такъ хорошо и тихо. Позади башни тянулась полуразрушенная стѣна, влѣво поднимался настоящій замокъ: я постоялъ нѣсколько времени и долженъ былъ садиться въ дилижансъ.—Мы проѣзжали часто черезъ прекрасныя мѣста; такъ какъ мы теперь отдалились отъ моря, то земля сдѣлалась гористѣе и разнообразнѣе. Много деревень проѣхали мы, много небольшихъ городовъ, ощутительна разность въ народонаселеніи, и весело смотрѣть на простой народъ: опрятность, чистота, довольство. — Нѣмокъ много хорошихъ собою; всѣ онѣ стянуты, одѣты ловко и опрятно, и это имъ не мѣшаетъ работать прилежно за своимъ картофелемъ; мужчины также. Здѣсь все приспособлено до возможной степени, все облегчено; много попало намъ ѣдущихъ въ своихъ плетеныхъ телѣгахъ съ цѣлыми семействами. Когда мы подъѣзжали къ Берлину, вокругъ котораго еще за милю встрѣчается много народу, то тутъ увидѣлъ я въ первый разъ собакъ, запряженныхъ въ телѣжки. Мы ѣхали въ городъ (первый городъ съ широкими улицами), и то тамъ, то здѣсь шли назадъ и впередъ мужчины и женщины съ чистыми соломенными корзинами за плечами; одни съ рынка, другіе на рынокъ. Мы ѣхали въ Кениг-штрассе: вывѣски, объявленія виднѣлись со всѣхъ сторонъ; но въ этомъ отношеніи Петербургъ выше. И далъ кондуктору талеръ; мои вещи перенесли въ Hôtel de Saxe.

Наконецъ, наконецъ, получилъ я письмо. Какая радость, милые дражайшіе родители, — и грустно, и сладко вмѣстѣ! Будьте спокойны и вѣрьте, что я пишу къ вамъ, какъ только

можно чаще и больше; если вы не получаете, такъ это почта виновата. Слава Богу, вы здоровы, мой милый отесенька. Будьте спокойны, милые дражайшіе родители: недолго пробуду я въ чужихъ краяхъ. Я работать буду вездѣ, потому что уже слишкомъ далеко зашла любовь моя къ филологіи. Слава Богу, надѣюсь скоро еще получить письмо отъ васъ, даже адресованное въ Берлинъ, можетъ быть. Будьте покойны только, дражайшіе родители. Повѣрьте, вы можете быть покойны на мой счетъ. Да, путешествіе было необходимо. Жизнь слышу я въ себѣ. Наука, трудъ безъ всякихъ постороннихъ цѣлей!

Сейчасъ былъ въ музеумѣ. Нечего сказать, превосходно. Прекрасная площадь, испещренная цвѣтами и деревьями, высокій фонтанъ, замокъ, церковь и, наконецъ, этотъ музеумъ, чудное, величественное зданіе. Прекрасно! Я вошелъ въ музеумъ, долго, медленно разсматривалъ картинную галерею, и не могъ всего осмотрѣть. Нѣсколько картинъ поразили меня; одна приписывается Оржено, и, кажется, представляетъ воскресеніе мертвыхъ: напередѣ Ангелъ приподнимаетъ скелетъ, и скелетъ этотъ оживаетъ постепенно; черепъ уже принялъ форму головы; сквозь полуоткрытыя вѣки свѣтятся тусклые глаза; рука также покрылась плотью, другая еще почти обнажена. Скелетъ усиливается встать. Я не могу вамъ передать, милые, дражайшіе родители, того, что выражается во всей этой картинѣ, и именно въ этомъ скелетѣ; но меня невольно она остановила. Еще замѣтилъ я портреты Бассано. Но тутъ есть одна комната, изъ которой не хотѣлось бы скоро выйти: сидишь, окруженный толпой живыхъ лицъ; у cadaго свой характеръ, во всякомъ играла жизнь, принявшая свое выраженіе; это картины Рубенса, Рембрандта и Фердинанда Боня. Картина послѣдняго представляетъ духовнаго, сидящаго за книгой; вы видите это вниманіе, съ которымъ онъ читаетъ ее, наклонившись: его ничто не развлечетъ, это его жизнь; вокругъ него лежатъ еще книги, до которыхъ дошла или дойдетъ очередь.— Моисей (Рембрандтовъ) рядомъ; онъ держитъ заповѣди надъ головой. Чудное лице! Рубенсовъ Силенъ наверху! Портреты,— все такъ живо! Я не вдругъ вышелъ изъ этой комнаты. Еще остановила меня одна картина изъ Евангелія: Христосъ оправдываетъ Марію передъ Марѳой, которая слу-

жила у стола и упрекнула Марію, что не помогаетъ ей. Лице Маріи — чудесно! Она смотритъ внизъ, задумавшись; упрекъ Марѣи не коснулся ея ушей; нѣтъ, она вся исполнена того глубокаго чувства, которое вызвала въ ней бесѣда съ Божественнымъ Спасителемъ!—Я хочу завтра идти опять туда.

Въ дорогѣ я познакомился съ нѣкоторыми нѣмцами: съ однимъ докторомъ изъ Риги, съ которымъ зашелъ у насъ разговоръ про нѣмецкую литературу, про Шиллера, и я, какъ-то кстати, прочелъ стихи Гете про Шиллера, — и вотъ мои нѣмцы разцвѣли; и тотъ и другой (т. е. нѣмецъ изъ Рудольфштадта) дали мнѣ свои карточки; послѣдній сказалъ мнѣ, что подлѣ Рудольфштадта есть домикъ Шиллера, и подлѣ домика—гора, на которой онъ любилъ сидѣть. На этомъ мѣстѣ поставленъ теперь бюстъ его. Вообще память Шиллера свято, благоговѣнно читается въ Германіи. На дорогѣ сѣлъ съ нами еще молодой нѣмецъ, который, кажется, любить Русскихъ (онъ — Саксонецъ), горячій, добрый нѣмецъ; разговоръ опять коснулся Шиллера. Этотъ нѣмецъ очень похожъ на Петра Ивановича Пейкера ⁴⁶⁾, помнитъ наизусть нѣкоторые стихи.— „У Шиллера видна вездѣ грусть, — сказалъ онъ, — посмотрите, надъ каждымъ его стихотвореніемъ она вьется, какъ легкое дыханіе“. Славный нѣмецъ! Но все еще не такой, какого бы мнѣ хотѣлось встрѣтить; все еще я больше знакомъ съ литературой нѣмецкой. Въ Ландсбергѣ разстались мы съ нимъ. Ландсбергъ — прекрасный городокъ съ фабриками, съ прекраснымъ предмѣстіемъ. Сплю я въ дорогѣ только ночью почти, за то крѣпко. Рано поутру на другой день разбудили меня слова: „Coffee, Wasser, mein Herr!“ Это были два мои нѣмца. Нечего дѣлать, умылся и я немного.

Никогда не встрѣчалъ такого прекраснаго вида, какъ въ Кюстринѣ. Мы пріѣхали туда ночью. Городъ обнесенъ стѣной и рвомъ, наполненнымъ водой, стоитъ надъ самымъ озеромъ, черезъ которое лежитъ длинный прекрасный мостъ. Была ночь, ночь чудесная, тихая, теплая. Я пошелъ на мостъ. Вода была спокойна совершенно; нѣсколько парусовъ бѣлѣлось въ сторонѣ, и одинъ на серединѣ; луна выходила изъ-за

⁴⁶⁾ Московскій знакомый семьи Аксаковыхъ.

стѣнъ крѣпости, и столбъ ея протягивался по водѣ, искрясь. Я помню такую луну надъ прудомъ Богородскаго. Чудная была картина! Вдали раздавались пѣсни нѣмецкихъ гражданъ, которые прошли по мосту мимо меня. Я не забуду Кюстрина ночью. Забылъ сказать вамъ еще, милые, дражайшіе родители, что я, вѣроятно, поѣду въ Рудольфштадтъ и заѣду къ Ринке (имя нѣмца, моего знакомаго). Нынче искалъ и не могъ найти музыки Гофмана. Досадно стало на Берлинъ. По всему видно, что здѣсь ничего не знаютъ о Гофманѣ.

Но вотъ листокъ мой къ концу, дражайшіе родители. Можетъ быть, напишу и другое письмо изъ Берлина. Всегда остается что-нибудь ненаписанное. Пошлю отсюда же письмо къ Ванѣ, въ которомъ разбраню его хорошенько, такъ что вы, милые, дражайшіе родители, ужъ не очень браните его. Обнимаю Гришу, Вѣру, — и къ нимъ напишу, если успѣю. Да, подумываю я о своемъ возвратѣ и переносусь мыслію къ вамъ, милые, дражайшіе родители мои. Пишемъ, посланныхъ въ Ригу, я не получалъ. Такая досада! Завтра можетъ быть еще письмо. Скажу на почтѣ, чтобы пересылали въ Дрезденъ. Въ субботу думаю выѣхать изъ Берлина, который гораздо менѣе красивъ Петербурга, если уже брать города въ этомъ родѣ; но мнѣ вообще надоѣли эти города съ высокими, сплошными домами, гдѣ люди бродятъ въ улицахъ, точно въ щеляхъ. Вспоминаю нашу Москву, которая такъ вольно раскинулась по полямъ и холмамъ. Дворецъ прусскаго короля очень малъ. Одно, что хорошо, это бодрый видъ, который имѣютъ здѣсь солдаты, да и вообще всѣ; но, признаться, пруссаки со стороны деликатности нехорошо мнѣ отрекомендовали нѣмцевъ⁴⁷⁾. Мои лон-бединтеры очень смѣшны большею частью. Пруссаки — народъ образованный, бодрый, но нѣтъ въ нихъ этого ума, этой силы, какая видна въ Русскомъ народѣ. Есть вещи, которыхъ никакое образованіе не можетъ дать⁴⁸⁾.

Но прощайте, дражайшіе, милые мои родители. Крѣпко обнимаю васъ.

Вашъ Костенька.

47) и 48) Характерныя замѣчанія, свидѣтельствующія о тонкой наблюдательности К. С. Аксакова.

Притиска къ 2-му письму изъ Берлина.

Какое ужасное маранье! но даю слово, милые, дражайшіе родители мои, буду стараться писать разборчивѣе.—

Какое чудное время! Пасмурное, теплое и тихое. Какія ночи! Вчера хотѣлъ было походить по берегу Шпре, но пошелъ дождь, и я воротился домой. Осматривать съ лонбединтерами довольно скучно: они довольно безтолковы и знаютъ мало. За неуваженіе къ Гофману я разсердился на Берлинъ. Смотрю на афиши: не даютъ никакихъ оперъ, которыя бы мнѣ хотѣлось видѣть. Прощайте, дражайшіе родители. Не получу ли нынче отъ васъ письма?

Вашъ *Костенька*.

Сообщилъ *Анатолій Александровъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).
